

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОИЗВОДСТВА ОБЩЕСТВЕННЫХ БЛАГ

О.С. СУХАРЕВ,

доктор экономических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник,
Институт экономики Российской академии наук, г. Москва,
e-mail: o_sukharev@list.ru

Рассматривается проблема производства общественных благ, исследуется вопрос, насколько и при каких условиях можно рассматривать институты как формальные и неформальные правила поведения в виде общественных благ, описывается состояние «инвестиционной ловушки» при функционировании вводимых и действующих институтов, показаны возможности преодоления такого состояния за счет и в рамках институционального планирования, а также представлена условная модель связи производства общественных благ (институтов) и уровня цен для простого случая линейно возрастающей отдачи, показывающая, что число и содержание (состав) институтов, как и их эффективность (уровень дисфункции) могут существенно влиять на динамику цен в рамках экономической системы.

Ключевые слова: институты; общественное благо; «инвестиционная ловушка»; дисфункция; право частной собственности.

INSTITUTIONAL ANALYSIS OF PUBLIC GOODS PRODUCTION

O.S. SUKHAREV,

Doctor of economic sciences (DSc), Professor, Leading staff scientist,
Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow,
e-mail: o_sukharev@list.ru

The problem of the public goods production, along with the issues related to the degree and conditions of treating the institutions as the formal and informal rules of behavior in the form of public goods are investigated in the article. The situation called an «investment trap» which occurs in the process of operation of both newly introduced and ongoing institutions is defined; the ways of overcoming of an «investment trap» by the means of institutional planning are described. The conditional model of connections between the public goods (or institutions) production and the price level is presented by the author. The model shows that, in simple case of linearly increasing returns, the number and the constitution of institutions, as well as their effectiveness (or level of dysfunction) are able to cause appreciable influence on price dynamics within the economic system.

Keywords: institutions; the public good; «investment trap»; dysfunction; private property right.

JEL classification: B52, D02, D04, D23, E02, H41, K11.

1. Представление об общественных благах и институтах в экономическом анализе

Рассмотрим в качестве экономического агента фирму, производящую некоторый набор благ. Согласно укоренившейся в экономической науке точке зрения, общественные блага создаются государством, а частник не заинтересован в производстве такой продукции, потому что затраты высоки, а выгоды распространятся на всех участников экономического процесса, которые не понесли никаких издержек. Фирма, производя обычные продукты, применяет новые технологии, которые значительно снижают вредные выбросы в окружающую среду. Естественно, на это тратятся боль-

шие средства, которые возвращаются с трудом — только после продажи произведенного продукта. Возврат «экологических издержек» заложен в цене произведенного блага.

Таким образом, фирма может проиграть ценовую конкуренцию тем агентам, которые переложили свои издержки на «природу», обеспечив тем самым относительно низкие цены на свою продукцию. Выгоды от экологических затрат данной фирмы извлекли все агенты без исключения, в том числе и недобросовестные производители. Следовательно, было создано общественное благо и возникла проблема безбилетника, наличие которой заставит добросовестную фирму, думающую о будущем, изменить модель своего поведения и действовать по схеме большинства, поскольку иначе возникнет угроза ее краткосрочной (рыночной) жизнеспособности. Срабатывает типичная модель, описываемая дилеммой заключенного и приводящая к неэффективному для субъектов результату, только если в модели заключенных он становится очевидным сразу, то в нашем случае неэффективность отсрочена.

Действия же фирм, загрязняющих природу, не кажутся неэффективными, особенно с учетом процессов ассимиляции загрязнений. Если под институтом понимать элементарное правило, тогда фирма есть некий институциональный комплекс, состоящий из определенной совокупности правил. В таком случае можно говорить, что общественные блага производятся институциональными подсистемами, а экономические агенты выбирают разные модели реагирования на появление этих благ. В этом вопросе опять проявились очертания институциональной регрессии, поскольку институты с одной стороны являются общественными благами, а с другой — способствуют их производству. Данная проблема разрешается определением общественных благ, принятым в экономической науке. Согласно Мансуре Олсону, общественное благо определяется как товар или услуга, которые удовлетворяют требованию: если их потребляет любой индивид X_i из группы $X_1, \dots, X_i, \dots, X_n$, то их могут потреблять и все остальные члены группы (Олсон, 1995. С. 12).

Однако классическое определение может не совпадать с наличием такой же категории благ в реальной жизни, потому что отражает человеческое отношение к некоторой разновидности благ, фактически, оценку, предлагаемую экономистами, иными словами, некую условность (Таллок, 2011). Отсюда можно сделать следующий важный вывод: институциональное планирование должно исходить не столько из того, что институты проявляют свойства общественных благ, сколько из того, что оно полностью зависит от инвестиций, осуществляемых в условиях принудительного режима налогообложения частными агентами и направленных на создание новых или повышение эффективности старых экономических структур.

Проблема распределения благ и ресурсов в экономической науке имеет первостепенное значение и одновременно выступает одной из труднейших проблем в смысле разработки каких-либо приемлемых способов ее решения, не говоря уже о политических инструментах, с неизменным участием которых происходят процессы перераспределения. Таким образом, можно выделить две компоненты в распределении благ: собственно распределение или идеальная модель, когда соответствующие процессы происходят в условиях институциональной стабильности и при отсутствии государственного регулирования, и перераспределение, обеспечиваемое институциональной динамикой и ролью правительства при решении различных социально-экономических вопросов. В принципе, можно еще более детально представить процесс распределения благ в экономической системе, выделив три элемента: чистое распределение (распределение при *laissez faire*), распределение, вносимое действующей и изменяющейся институциональной структурой, и государственное перераспределение, под которым можно понимать перемещение ресурсов благодаря конкретным административным решениям (сигналам).

Конечно, размежевать эти виды при помощи существующих экономико-математических методов вряд ли удастся. В этом, видимо, нет большой необходимости, да и модели будут характеризоваться невысокой точностью, поскольку на самом деле распределение благ не дифференцировано. Введенная классификация полезна лишь с позиций институционального анализа, так как позволяет продвинуться в понимании распределительной природы институтов. Под этим подразумевается не только то значение, которое играют институты при организации процессов распределения благ, но и происхождение, появление на свет новых институтов в результате распределительных экономических эффектов. Различные трактовки понятия «институт» дают разные толкования и процессам распределения благ.

Если институты — это совокупность правил (Норт, 1997а; Норт, 1997b), то они выполняют функцию ограничения действий каждого субъекта экономики. Следовательно, их распределительное назначение обусловлено масштабом данных ограничений, а также спецификой моделей поведения агентов в этих условиях. Если под институтами понимаются неформальные нормы — обычаи, стереотипы, привычки или же мысленные конструкции игроков, то и их влияние на процессы распределения будет несколько отличаться от первого представления. В действительности понятие «институт» вбирает в себя оба смысла, что усложняет анализ процессов распределения с институциональных позиций.

Распределение не может быть бесконфликтным, поскольку одни слои общества лишаются каких-то добавочных благ, которые для них с точки зрения общественной морали являются излишеством, а другие их приобретают. Идеальный тип распределения обеспечивал бы более или менее равномерный характер рассредоточения благ, согласно вкладу каждого индивида и результатам конкурентной борьбы. Распределение, осуществляемое институтами, зависит от тех критериев, которые запрограммированы в институциональной матрице. В современном обществе распределение таково, что наиболее богатые выигрывают. Государственное регулирование, перераспределение происходит под контролем особых институтов, обеспечивающих принудительный режим рассредоточения и использования благ, внедряемый с определенными целями, в основном, для повышения уровня доходов наиболее бедных общественных слоев, наличие которых обусловлено несовершенством и несправедливой организацией экономической системы. Конфликт элиминируется, если различные стороны соглашаются с установленным социальным порядком и ролью правительственных иерархий в нем.

В процессе множественных обменов происходит расширение прав одних индивидов и ущемление прав других. Это выступает основой возникновения нового конфликта распределения. При отсутствии согласия относительно существующего социального порядка проблема будет углубляться. Эффективное распределение можно обеспечить только создав условия выхода из конфликта прав или установив социальный порядок, исключающий законодательно оформленный конфликт прав и образующий согласованный правовой порядок. Однако такой итог является идеальным и практически недостижимым, потому что конфликтность есть неотъемлемый элемент существующего институционального порядка. Единственный инструмент, при помощи которого возможно повысить эффективность распределительных процессов, это юридическое согласование индивидуальных прав и повышения уровня образованности и культуры экономических агентов, так как дифференциация прав выступает главной причиной распределительных асимметрий.

Известная проблема «безбилетника» тоже относится к перечню проблем распределения благ. Имеются блага, в производстве которых участвуют далеко не все агенты, но услугами пользуются все без исключения, причем отстранить не участвовавших в процессе их создания субъектов не представляется возможным. Здесь существуют два решения — либо найти способы отстранить их от пользования данными благами, либо заставить заплатить за создание общественных благ всех участников социальных отношений. Прерогатива в решении проблемы «безбилетника» отводится государству, то есть механизмам принуждения, хотя Р. Коуз считал, что можно прийти к приемлемому результату путем рыночного решения данной проблемы, которое ему не кажется принудительным. В качестве аргумента он приводил пример маяка как необщественного блага, которое предоставлялось частными компаниями в Великобритании. Если институты дисфункциональны, то решение, предложенное Р. Коузом неэффективно, а позиция А. Пигу, которую Р. Коуз в своих статьях критикует (Коуз, 1993. С. 21–32, 120–143), более привлекательна в экономическом смысле и по социальным последствиям наиболее целесообразна. Рынок, продажа прав на загрязнение, информационные асимметрии, сопровождающие рыночный процесс, не могут решить проблему институциональной регрессии и снижения качества экономических институтов (Сухарев, 2001а). Формально Р. Коузом предлагается одно из возможных решений — использования маяка частным владельцем, но это совершенно не отвергает подхода А. Пигу — финансирования работы подобных объектов инфраструктуры посредством сбора «специального налога», то есть за счет своеобразных инвестиций. Однако при этом, в общем случае, те агенты, которые совершенно не причастны к мореплаванию, будут финансировать функционирование маяка, т. е. блага, в котором они совершенно не заинтересованы. Следовательно, важно ввести специальный налог для той группы агентов, которая причастна к получению услуги маяка. В таком случае, согласно определению общественного блага, оно перестает быть формально общественным благом (Коуз, 1993; Коуз, 2000).

Существует мнение, будто идеология приводит к ненасильственному разрешению проблемы «безбилетника» за счет создания однородных представлений в обществе. В условиях централизованной экономики именно идеология была мощным производительным фактором. Неся различные издержки, члены такого общества, как показывают примеры, создавали общественные блага очень большой стоимости. Однако являлось ли данное решение удовлетворительным, весьма сомнительно. Кроме того, идеологические догмы со временем устаревают и подтачивают критерии принятия решений, а значит и общественную сплоченность, да и разработка идеологии, ее распространение требуют наличия определенных институтов и мощного (часто авторитарного) государства как суперинститута. Способы разрешения конфликтов, включая конфликты прав собственности, опреде-

ляются моделью капитализма и формой государственного устройства (экономико-политическим и правовым режимом), а также моделью проводимой экономической политики. Все правила и вытекающие из них права проектируются государственными органами — политической системой. От этого зависят взаимоотношения внутри и между иерархическими звеньями общества, функционирование различных подсистем, в частности, налогообложения и др. (Нуреев, 2010).

Наверное, нет институтов, которые бы не влияли на процесс распределения благ, однако, имеются институты, непосредственно отвечающие за перетекание благ от одних индивидов (агентов) к другим. Их можно назвать институтами распределения. Рынок представляет собой совокупность институтов, в том числе и институтов распределения. Но насколько полон этот набор, сказать достаточно трудно, поскольку мы судим об эффективности распределительных процессов по априорно задаваемым критериям, имеющим отпечаток наших нравственных позиций. Неэффективность процесса производства формальных правил находится в теснейшей корреляционной зависимости от степени неэффективности политической системы, рынков, механизмов взаимодействия групп особых интересов по поводу ввода ограничений.

Процессы производства институтов подчинены государству и контролируются им, причем при создании этих благ, точно так же как и при информационном обмене, кривая спроса приобретает положительный наклон, т. е. увеличение стоимости института обуславливает еще большую потребность в нем. На формирование новой институциональной матрицы сильное влияние оказывает исходное состояние институтов и общественная стратификация. Дифференциация доходов по различным социальным группам обуславливает соблюдение прав ровно настолько, насколько высок доход членов этой группы. Такое положение дел невозможно признать удовлетворительным с позиций демократической организации современного общества. В этом состоит парадокс асимметрии экономической и политической власти, обеспечивающий преимущества для одних агентов и потери для других. Следовательно, власть можно рассматривать в качестве довольно редкого блага, за приобретение которого разворачивается ожесточенная борьба, подчиняющая себе другие экономические процессы. Если государственная власть находится в руках одной из групп, то она приложит все усилия для извлечения в свою пользу максимальной ренты. В данном случае процедуры институционального планирования будут ориентированы на создание правил перераспределения. Только в этих рамках и возможно снижение транзакционных издержек. Дуглас Норт, например, считает названную причину основной в долгосрочной неустойчивости экономического роста (North, 1981. P. 24–25).

Понятно, что на группу, обладающую властью, возлагается ответственность за разработку мероприятий экономической политики. В связи с этим возникает вопрос первостепенной важности: в какой степени интересы и цели этой группы совпадают с общественными интересами и целями экономической политики, которые может сформулировать экономическая наука? Как создание новых правил в ходе институционального планирования согласуется с классическими подходами к экономической политике и инерционностью экономико-политических подсистем? В простейшей модели государственного устройства, предлагаемой Нортом, социальные отношения разворачиваются относительно распределения и защиты прав собственности, а также налогообложения и социальной справедливости (Норт, 1997а; Норт, 1997b; North, 1981). Иная модель предполагает такое государственное устройство, при котором налоги рассматриваются как инвестиции в правительство, осуществляемые в принудительном режиме, а институт прав собственности рассматривается в качестве «инвестиционной ловушки» (Сухарев, 2001а; Сухарев, 2001b). Механизм функционирования этой ловушки следующий: обладание правом собственности при прочих равных условиях (т. е. в отсутствие этого права) обеспечивает субъекту экономики больший доход и соответственно уровень жизни. По этой причине требуется значительный объем инвестиций, поскольку такой доход может быть обеспечен только либо за счет высокой эффективности данного института, либо крупных вложений (возможен вариант за счет двух источников). Вместе с тем, в условиях монетарных ограничений развития современных экономик, это означает вывод какого-то количества инвестиционных ресурсов из сфер создания реальных благ.

На государство в этой модели возложена функция институционального планирования — производства и поставки на рынок продуктов в виде институтов и общественных благ. На практике эту функцию выполняет и отдельный экономический агент, превращая того, кто пользуется данным благом, в «безбилетника». Заинтересованность здесь обеспечивается тогда, когда индивидуальные выгоды превосходят индивидуальные издержки, а также имеется полная информация о намерениях других агентов. Поскольку подобная ситуация неправдоподобна, происходят различные искажения в распределении издержек (Фуруботн и Рихтер, 2005).

Процесс создания новых институтов зависит от следующих факторов: ожидаемых выгод; исходного институционального состояния (*status quo*), уровня доходов каждой из социальных групп; точности и полноты получаемой информации об экономических изменениях и возможных реакциях групп на предполагаемые новшества; индивидуальных предпочтений, закрепленных в текущей правовой структуре общества; имеющихся резервов по различным видам ресурсов; времени, за которое целесообразно ввести новые институты в действие; степени адаптационной готовности общества и др.

Не менее важен вопрос о том, будут ли новые институты эффективными. Сразу возникает проблема — как определить эффективность института. Можно считать институт эффективным, если ввод его в действие обеспечивает парето-оптимальный результат. Но тогда потребуются детальные разъяснения, поскольку критерий Парето является оценочным, т. е. сам является институтом. Справедлив вопрос относительно целесообразности его применения, так как этот критерий описывает далеко не все возможные в экономике процессы, особенно которые возникают при проектировании и внедрении новых институтов. Новый институт с позиций формального критерия может рассматриваться нами как вполне эффективный, однако, при погружении в экономическую среду моментально приобретает признаки неэффективного функционирования (*Сухарев, 2012*). Причина банальна — экономика отторгает данный институт в силу того, что сама обладает более низкой эффективностью. Это явление есть отражение более фундаментального явления, имеющего для институционального развития экономики основополагающее значение — дисфункции института (*Сухарев, 2001b. С. 24–50*).

Институциональное конструирование обычно завершается социокультурной инновацией. При этом институты подразделяют на естественные и искусственные, предполагая, что существует принципиальное отличие между правилами, созданными в соответствии с нормативной моделью (планом) и возникшими в ходе взаимодействия между агентами благодаря их реакциям на происходящие изменения. Близорукость данного подхода состоит в том, что люди действуют и реагируют на изменения согласно правилам, установленным в процессе планирования. Все, что возникает в социальной системе, не может быть неестественным, поскольку воспроизводится человеком с целью удовлетворения потребностей и отстаивания определенных интересов.

2. Институты как организующие социальный порядок нормы

Социальный порядок конституируется системой правил — формальных и неформальных норм. Формальные институты воспроизводятся в целях структуризации деятельности агентов, выполняют предписывающую, разрешительную, запретительную и ограничительную функции¹. Считается, что правила снижают неопределенность благодаря повышению уровня информированности индивида о происходящих в обществе и в окружающей среде явлениях. Поскольку рациональность определяется используемой для принятия решений информацией, постольку формальные правила выступают условием рационального поведения индивида (*Норт, 1997a; Норт, 1997b*). Обычай, привычка, стереотип ассоциируются обычно с иррациональной моделью поведения. Правила расширяют границы обменов, снижают издержки трансакций, позволяют управлять экономическими процессами, контролировать ситуацию — это общепринятая точка зрения среди институционалистов новой и старой школы (*Нуреев, 2011; Нуреев, 2008*). Однако появление новых правил, нагромождение ограничений, условностей, процедур — способно не только расширить возможности обменов и снизить издержки трансакций, но и дезорганизовать экономическую систему, привести ее к состоянию коллапса. Вероятность такого исхода резко повышается, если проводится соответствующая экономическая политика, не принимающая во внимание отмеченную опасность.

Поэтому, когда говорится о недопроизводстве институтов, нужно ориентироваться на весьма строгие критерии, позволяющие сделать такой вывод с наименьшей ошибкой, потому что, если правил и норм достаточно, то активная деятельность по их дополнительному производству приведет к занормированности экономики. Причем ощущение недостатка в институтах может быть обманчивым в силу их дисфункциональности. Следовательно, с помощью установленных критериев можно получить четкий ответ — производить ли новые институты, или попытаться справиться с дисфункцией прежних правил, которые еще могут оставаться эффективными. Это возможно сделать, разработав понятие институциональной макро- и микродисфункции, а также приняв специальные требования по идентификации дисфункциональных состояний отдельных институтов и экономических подсистем.

¹ Здесь как нельзя лучше в анализе перечисленных базисных функций института будет применима концепция дисфункции, развиваемая автором с 1998–1999 гг.

Утверждение, что правила снижают экономическую неопределенность, требует корректировки. Дело в том, что снижение неопределенности сохраняет какую-то степень незнания ситуации, полной определенности достичь почти никогда не удастся. Следовательно, факт снижения устанавливается по некоей системе оценки изменения наших знаний и представлений о происходящих событиях. Индивиды и разработанная ими система оценок являются неотъемлемыми элементами развивающейся экономики и ее неопределенности. Поэтому, когда говорится о том, что удалось снизить неопределенность, следует понимать это в рамках изменившихся по каким-то причинам наших ощущений и оценок действительности. Известно всего два кардинальных метода подлинного снижения неопределенности — это реализация плана и увеличение концентрации власти и контроля. Все остальное представляет собой изменение восприятия экономическими агентами данной проблемы.

В условиях экономики рынков институциональное планирование становится главным механизмом, преодолевающим высокую неопределенность саморегулирующегося рынка. Появление новых правил способно увеличить неопределенность, так как агенты могут не располагать соответствующими знаниями о том, зачем эти правила вводятся, какую роль будут играть в экономике и как им вести себя в новых условиях — игнорировать институты, приспосабливаться к ним или разрабатывать иные модели поведения. Перечисленные решения, безусловно, приведут к росту неопределенности.

Сравнение институтов с игрой заманчиво, поскольку социальные процессы действительно очень напоминают игру. Но если за игрой в шахматы или в карты можно наблюдать, не являясь участником этой игры, то за игрой, имя которой «человеческая жизнь», наблюдать можно только играя. В этом состоит одна из главных причин, почему результаты анализа по игровым моделям невозможно воспринимать без необходимых оговорок и адаптации в качестве определенных, пусть и предварительных, результатов исследований социальных изменений.

Порой в процессе обмена индивиды в ходе координации своих действий устанавливают правила, которые существуют только в период осуществления сделки, а затем мирно умирают. Их появление на свет неопределенно, целиком зависит от асимметричности переговорной силы. В этом случае институт справедливо рассматривать как стохастическое явление. Однако социальный контакт двух заинтересованных сторон невозможен вне институционального поля. Правила же, вырабатываемые агентами при заключении сделок, выступают дополнительными по отношению к первоначальной совокупности правил. Вот почему нельзя трактовать воровство, вымогательство и тем более грабеж в качестве вынужденного обмена в противоположность добровольному. Это не асимметричный контракт и уж конечно не односторонний избирательный обмен. Последнее словосочетание вообще бессмысленно, так как одностороннего обмена быть не может, иначе это не обмен. В процессе обмена одна из сторон может нести большие издержки, чем другая. Но обязательным условием и смысловым содержанием обмена является перетекание неких благ в обе стороны, при этом величина выгод может различаться. В ходе обмена исходная институциональная структура не нарушается — все базовые правила агентами соблюдаются. Контракт предполагает согласование позиций двух сторон. Если одного из участников никто не спрашивает ни о чем, то это не есть процесс контрактации. Преступные деяния не могут быть ни обменом, ни контрактом, поскольку разрушают исходное институциональное поле, являющееся фундаментом всех социальных процессов, включая и девиантные модели поведения, такие как воровство и др. В институциональной матрице запрограммировано, что считается преступлением, а что добровольным обменом.

При заключении контракта или совершении обмена появляются модели поведения, не вписывающиеся ни в представления о добровольном обмене, ни в представления о преступных действиях (*Ходжсон, 2003; Фуруботн и Рихтер, 2005*). Такое поведение является оппортунистическим и направлено на получение дополнительной выгоды одним из агентов без нарушения юридических норм. Описательные институциональные модели должны быть приближены к реальным событиям, в противном случае их полезность минимальна. Решение о нарушении нормы принимает каждый индивид самостоятельно в силу различных обстоятельств. От этого зависит, произойдет ли грабеж, воровство, вымогательство, мошенничество или другой вид преступления, а не от наличия какого-то асимметричного контракта или одностороннего обмена, которых на самом деле не существует.

Почему возникают девиантные формы поведения и нарушение норм — отдельный большой разговор, который обязательно должен быть увязан с проблемами экономической политики. Причина, видимо, в том, что нарушать становится более выгодно, чем исполнять. Трансакционные издержки и разрастающиеся правила делают невозможным достижение многих целей, не дают людям ответа

на вопрос: в силу каких обстоятельств они беднее других, в то время как ничем не отличаются от последних? Однако любые издержки не существуют сами по себе. Высокие транзакционные издержки являются следствием неэффективной организации обменов, т. е. их провоцируют соответствующие институты. Рост транзакционных издержек сказывается на интенсивности обменов, и это влияние зависит от совокупности характеристик, например, от особенностей изменения транзакционных издержек, возможностей экономии, защитных механизмов и эффективности иных институтов.

Не вызывает сомнений, что цель снижения издержек является доминирующей целью общественного развития. По крайней мере, с этим вряд ли кто-либо возьмется спорить. По этой причине и при институциональном планировании не может быть более главной цели. Обществу нужны институты (правила), которые бы сэкономили материальные и другие ресурсы, одновременно обеспечивая удовлетворение насущных потребностей людей и сложившиеся социальные стандарты. С развитием экономических систем наблюдается рост транзакционных издержек, что вызвано повышением их сложности, развитием сферы информации и услуг. Этот рост трендовый, долгосрочный. На коротких интервалах снижение издержек транзакций выступает критерием экономической эффективности, а также эффективности правительственных мероприятий, а значит, и институционального планирования (Попов, 2012). Процедуры проектирования институтов, образующие систему (алгоритм) институционального планирования, позволяют решить одну важную проблему. Институты обеспечивают игроков информацией, которая используется ими при формировании ожиданий и установлении контактов друг с другом. Без информации невозможно существование институтов, причем имеется в виду та информация, которая не регулируется официальными правилами (нормами), т. е. живет отдельной жизнью и используется в специальных целях (работа разведки, спецслужб, технологические секреты). Для развития экономики и мира ее значение очень велико.

Таким образом, возникает проблема онтологической приоритетности: что первично — институт или информация и можно ли рассматривать информацию в качестве института (Ходжсон, 2003; Фуруботн и Рихтер, 2005). В условиях экономической непрерывности убедительных ответов по этому поводу дать практически невозможно. Если экономическая реальность дифференцируется, а такое представление вполне допустимо, поскольку агенты ставят цели и разрабатывают планы по их достижению — и то и другое есть разновидности алгоритмов с конечным числом операций и функций, — тогда ответ очевиден и сводится к тому, что следующие порции информации и новые институты определяются качеством институционального планирования, основывающегося на анализе эффективности функционирования прежних институтов, и поступающей от них накопленной информации и текущих знаний.

3. Задача моделирования связи производства общественных благ и изменения цен, когда эффект представляет возрастающую линейную функцию

При институциональном планировании необходимо учитывать, что создаваемые институты могут выполнять функции общественных благ, порождая проблему «безбилетника» (Таллок, 2011). Принципиальным условием институционального планирования выступает тезис о невозможности стохастического возникновения института. Если признать, что спонтанно может возникнуть институт, которым будут пользоваться все экономические агенты, извлекая только выгоды и не неся никаких издержек для того, чтобы этот институт появился, то придется сделать вывод о наличии социального вечного двигателя (генератора), поставляющего в систему энергию и не требующего расходов на его работу. И так, приходится сделать вывод, что возникающие случайно институты обслуживают интересы отдельных групп экономических субъектов и обеспечивают им выгодные условия, уменьшая выгоды для других групп или по крайней мере их не увеличивая. Иными словами, для одних экономических агентов предельные издержки не равны, а для других — равны нулю. Таким образом, в экономике имеются субъекты, не участвующие в некоторых обменах. Этот случай (принцип) можно назвать антипаретовской эффективностью. Одни институты снижают, а другие — увеличивают издержки транзакций, причем в экономике присутствуют формальные и неформальные правила, напрямую отвечающие за организацию всех возможных типов обменов и за их эффективность.

Оценка институтов как общественных благ зависит от того, имеются ли «безбилетники» или преобладают «инвестиционные ловушки»². Теоретически возможны две идеальные ситуации: 1) в экономике присутствуют одни «инвестиционные ловушки», то есть все субъекты без исключения проигрывают от вводимой системы правил на каком-то ограниченном интервале времени;

² Под ловушкой понимается непреодолимое или трудно преодолимое состояние, в котором находится экономический агент, институт или подсистема. (Прим. авт.)

2) все агенты — «безбилетники», т. е. выгоды каждого превышают затраты на производство институтов. В экономике всегда присутствуют те, кто проигрывает, и те, кто становится «безбилетником». Последнюю ситуацию можно воспринимать как выигрышную, поскольку индивидуальные затраты значительно меньше приобретаемой полезности (рис. 1).

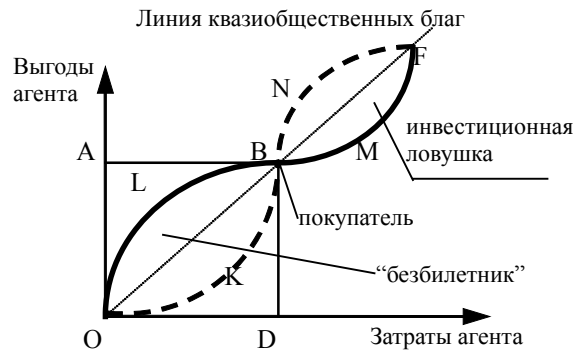

Рис. 1. Индивидуальные затраты-выгоды при производстве общественного блага

Конечно, нужно осторожно проводить аналогию между налогами и инвестициями. Дело в том, что в обычном понимании инвестиции осуществляются на добровольных началах, т. е. решения принимаются инвестором самостоятельно, без принуждения. Налоги представляют собой принудительный механизм аккумуляции инвестиций в государственное строительство, в обновление общественного капитала. Принуждение, практикуемое в виде устанавливаемых налоговых ставок и обязательности сборов, не имеет тотального характера, поскольку некоторые субъекты находят возможности уклонения от уплаты налогов, т. е. считают недопустимой устанавливаемую сверх потребную величину инвестиций. В таком случае они превращаются в «безбилетников», так как не несут издержек по поводу производства общественных благ, но пользуются ими, извлекая определенные выгоды. Если обозначить индивидуальные выгоды V_i , затраты — C_i , количество производимых общественных благ (институтов) — Q , экономический эффект, извлекаемый отдельным агентом — P_i , общий эффект — P_Σ , тогда цели экономического агента и государства в простейших двух вариантах а) и б) можно математически выразить следующим образом:

$$а) P_i = V_i - C_i \rightarrow \max, \text{ что означает } dP_i/dQ = 0 \text{ и } \frac{dV_i}{dQ} = \frac{dC_i}{dQ}.$$

$$P_\Sigma = \int_0^Q \frac{dV}{dQ} dQ - \int_0^Q \frac{dC}{dQ} dQ \rightarrow \max, dP_\Sigma/dQ = 0 \text{ и } \frac{dV}{dQ} = \frac{dC}{dQ}.$$

где:

$\frac{dV}{dQ}$ — приращение валовой выгоды от потребления каждой единицы общественного блага;

$\frac{dC}{dQ}$ — приращение издержек на производство единицы общественного блага (института).

В общем смысле величина затрат, идущих на производство нового института и вносимых одним агентом, представляет собой сумму налоговых отчислений этого агента, затрат на участие в союзах и организациях, отстаивающих интересы участников, а также затрат на установление, поддерживание связей и лоббистскую деятельность — самостоятельную и в рамках образованной группы.

$$б) P_i = V_i - C_i \geq \alpha(Q), \text{ что означает } dP_i/dQ \geq \frac{d\alpha(Q)}{dQ} \text{ и } \frac{dV_i}{dQ} \geq \frac{d\alpha(Q)}{dQ} + \frac{dC_i}{dQ}.$$

$$P_\Sigma = \int_0^Q \frac{dV}{dQ} dQ - \int_0^Q \frac{dC}{dQ} dQ \geq \beta(Q), dP_\Sigma/dQ \geq \frac{d\beta(Q)}{dQ} \text{ и } \frac{dV}{dQ} \geq \frac{d\beta(Q)}{dQ} + \frac{dC}{dQ}.$$

Причем: $0 \leq \alpha < \alpha_{\max}$ и $0 \leq \beta < \beta_{\max}$. В параметрах α и β заложен важный смысл. Это функции целей государственной политики — производства общественного капитала. Их можно рассматривать и как функции институционального планирования, точнее, в качестве добавочной отдачи от спланированной и внедренной институциональной подсистемы. С позиций строгой теории эти параметры могут иметь отрицательные значения, демонстрируя, что выгоды от производства общественных благ (институтов) не только не покрывают, но и меньше осуществляемых затрат. Рис. 2. строится на основе рис. 1 и

показывает изменение параметра α , представляющего собой разницу (судя по рис. 1) индивидуальных выгод V_i и затрат C_i . На участке OLB (OB на рис. 2) выгоды, приобретаемые от создания нового института, превосходят затраты, связанные с процессом институционального проектирования и внедрения для отдельного агента. Это означает, что создано общественное благо. В точке B достигается равновесие затрат и выгод, означающее поупку создаваемого блага, которое перестает в строгом смысле, с точки зрения общепринятого определения, быть общественным, поскольку каждый агент его оплачивает. На участке BMF (BF на рис. 2) издержки превосходят получаемые выгоды, что говорит о попадании индивида в инвестиционную ловушку. Когда каждый экономический субъект попадает в ситуацию инвестиционной ловушки, наблюдается абсолютная утрата созданных общественных благ.

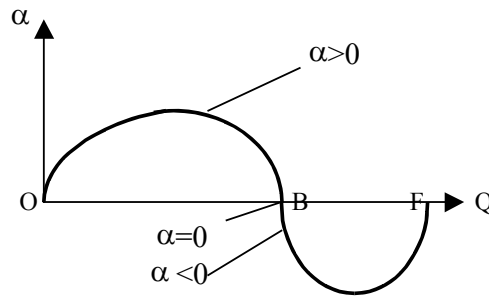

Рис. 2. Эффект (α) от создания общественных благ (институтов)

Экономисты предложили весьма интересное определение общественным благам, свойства которых приписывают часто и к производимым институтам. Это блага — товары, услуги, которые удовлетворяют требованию: что если их потребляет любой индивид X_i из группы $X_1, \dots, X_n$, то их могут потреблять все члены данной группы (Олсон, 1995. С. 12). Иными словами, другие агенты не могут быть исключены из состава потребляющих данное благо и не платят за его потребление. Отсюда следуют два принципиальных уточнения: во-первых, для тех, кто платит за потребляемое благо (осуществляют поупку), и, во-вторых, кто исключается из потребления, — для них благо не является общественным. Если вообще отсутствуют те члены группы, которые получают благо бесплатно и не могут быть исключены из его потребления, то общественного блага не существует согласно указанному определению, потому что все субъекты платят за приобретение блага и некоторые из них исключаются из потребления, то есть не получают блага вследствие несоответствия суммы внесенного платежа стоимости блага. Общественное благо обеспечивает коллективную выгоду, однако, вопросы относительно размера коллектива, для которого актуально (имеет смысл) это понятие, остаются. Наша позиция сводится к тому, что чистое общественное благо всегда сопровождается возникновением проблемы «безбилетника». Представьте, что проезд стоит 1 долл., а вы платите всего 0,5 долл. Частичная оплата не спасает от штрафа, поскольку вы все равно являетесь безбилетником — осуществляете проезд, перекладывая издержки на компанию или муниципалитет, если транспортное средство принадлежит ему. Следовательно, факт платежа за благо не устраняет его «общественного» характера. Важно только, чтобы затраты на создание общественных благ были меньше получаемых выгод. Таким образом, точка B на рис. 1 является пунктом превращения, в котором общественное благо перестает быть таковым, если тенденция после точки B развивается ниже линии квазиобщественных благ. Оптимальное количество общественных благ удастся произвести на линии квазиобщественных благ. В этом случае все произведенные блага оплачены всеми агентами и полный дифференциал выгод равен полному дифференциалу затрат рассматриваемой экономической системы: $dV = dC$. Приняв зависимость уровня цен от создаваемых общественных благ (Q), а именно: $p = F(Q)$, эффект от общественных благ для государства будет состоять в разнице между привносимой общей ценностью вводимых благ и общими издержками на их производство: $P_g = Qp - \int_0^Q \frac{dC}{dQ} dQ$. Естественно, стремление получить возрастающий эффект выглядит вполне закономерным. В дальнейшем примере будем для простоты предполагать, что эффект представляет собой линейную функцию от Q . Исследуем вопрос о том, когда эффект возрастающая функция. Для этого запишем: $P_g = Qp - \int_0^Q \frac{dC}{dQ} dQ \rightarrow \max$ и $dP_g/dQ = p + Q(dp/dQ) - (dC/dQ) = 0$. Тогда можно ввести понятие институциональной инфляции, под которой подразуме-

валяется рост цен, обусловленный появлением новых институтов: $\pi_1 = \frac{dp}{dQ} = \frac{d^2C}{dQ^2} - \frac{dp}{dQ} - Q \frac{d^2p}{dQ^2}$.

Преобразуя, приходим к дифференциальному уравнению, связывающему изменение уровня цен, приращение затрат на введение новых институтов и количество создаваемых общественных благ при достижении максимального эффекта для правительства от вводимых институтов:

$$\frac{d^2p}{dQ^2} + \frac{2}{Q} \frac{dp}{dQ} - \frac{1}{Q} \frac{d^2C}{dQ^2} = 0 \quad (1)$$

Взаимосвязь между изменением цен, количеством производимых институтов и приращением валовой выгоды от производства каждой дополнительной единицы общественных благ выводится аналогичным образом. Уравнение будет иметь вид (1), только вместо величины C будет использоваться параметр валовой выгоды на единицу общественного блага — V . Это соответствует оптимуму, где $dV = dC$.

Старые правила и нормы создают определенные условия для инфляции, задают ее некоторый темп, но что касается новых институтов, возникших случайно или намеренно спроектированных, то цель экономической политики сводится именно к тому, чтобы не допустить ошутимого ускорения инфляции полученным набором правил и не спровоцировать увеличения безработицы. Таким образом, $\pi_1 = 0$, откуда следует, что $\frac{d^2C}{dQ^2} = Q \frac{d^2p}{dQ^2}$, т. е. при институциональном развитии скорость изменения издержек (инвестиций) разработки и введения (создания) благ (институтов) должна в Q раз превышать скорость изменения уровня цен (при соответствующих ограничениях на первую производную функции эффекта $P_g(Q, t)$), обеспечивающего возрастающий эффект от предлагаемой институциональной системы (изменение выгод должно равняться изменению издержек при создании общественных благ). Безусловно, отдельной оговорки требует интервал времени, за который необходимо оценивать общий эффект для государства. Но также нужно оценить соотношение издержек и выгод для тех агентов, деятельность которых затронет (регулирует, ограничивает) новый институт или некая совокупность вводимых правил.

Стало общепринятым считать, что правительство берет на себя функцию производства общественных благ и одновременно применяет мероприятия, предотвращающие появление безбилетников. Заставив агентов оплачивать потребление предоставляемых благ или отстранив их от потребления путем применения необходимых санкций, правительство фактически, желая того или нет, но стремится обеспечить ситуацию, соответствующую точке B на рис. 1. Причем исходная ситуация может располагаться на любой ветви возможных траекторий, изображенных на рисунке. Здесь может возникнуть интересная регрессионная проблема: для разрешения проблемы «безбилетника» при институциональном проектировании понадобятся еще какие-то дополнительные нормы, без которых нельзя будет достигнуть линии квазиобщественных благ, при этом появившиеся институты не должны спровоцировать всплеска инфляции или разрушить позитивное status quo на рынках труда. У нас появляются основания утверждать, что действия государства непреднамеренно обесценивают данное экономистами и ставшее общепринятым определение общественных благ.

Если появление новых благ, продуктов связано с затратами, то можно говорить и об их влиянии на общий уровень цен. Если вводятся новые институты, то также возможно говорить об их влиянии на уровень цен. Здесь уместно ставить вопрос об «институциональной инфляции», так как развертывание маховика цен в любой стране зависит от сложившейся в ней системы институтов и, конечно, от проводимой экономической политики. Различия в институтах и структурные отличия, при похожих мерах правительственной политики и неодинаковой динамике цен, говорят нам, что именно эти условия определяют инфляцию.

Теперь иллюстративно, на основе полученного выражения (1) покажем возможную взаимосвязь институциональной инфляции и создаваемых общественных благ (институтов) (Сухарев, 2001а. С. 405–408). Нижеприведенные выкладки составляют элементарный пример-схему изучения некоего институционального равновесия.

Решение уравнения (1) будет выглядеть следующим образом: $C = Qp + KQ + L$, где K , L — некоторые константы. Если предположить, что существует связь между издержками на создание единицы общественного блага (института) — C , объемом создаваемых благ (институтов) — Q и уровнем цен от вводимой институциональной структуры — p , представим эту функциональную связь полиномиальной зависимостью: $C = a + bpQ + cQ^2$ (где a , b , c — константы) и подставим ее в указанное выражение, тогда получим следующее уравнение:

$$Q \frac{d^2 p}{dQ^2} (1 - b) + 2 \frac{dp}{dQ} (1 - b) - 2c = 0$$

Решая данное уравнение, получим соотношение, связывающее уровень цен и объем создаваемых общественных благ — институциональных норм. Под уровнем цен здесь понимается совокупность цен, соответствующих максимальному эффекту от вводимой новой институциональной структуры или от функционирующей текущей институциональной системы. Если полиномиальная зависимость на эмпирических данных покажет тесную корреляционно-регрессионную связь, тогда ожидаемое решение покажет зависимость уровня цен и «институциональной» инфляции (темпа изменения цен) от числа создаваемых и вводимых в экономику благ. Решение будет следующим:

$$p = \frac{c}{1 - b} Q - \frac{2k}{Q} + l, \tag{2}$$

где: k, l — константы интегрирования.

Фактически оно означает взнос в уровень цен, отвечающий состоянию максимальной эффективности институциональной структуры, вновь появляющихся благ.

«Институциональная» инфляция определится путем дифференцирования выражения для уровня цен по числу создаваемых благ Q и выражение для нее примет вид:

$$\pi = \frac{dp}{dQ} = \frac{c}{1 - b} + \frac{2k}{Q^2}$$

Если считать функцию производства институтов $Q = Q(t)$ зависящей от времени, тогда дифференцирование уровня цен по времени даст иной результат:

$$\frac{dp}{dt} = \left(\frac{c}{1 - b} + \frac{2k}{Q^2} \right) \frac{dQ}{dt},$$

так что изменение «эффективных» цен с течением времени пропорционально изменению числа благ (институтов), где коэффициент пропорциональности обратно пропорционален квадрату числа создаваемых благ.

Представим выражение (2) в виде $p = \alpha Q + \beta / Q + \gamma$, где $\alpha = \frac{c}{1 - b}$, $\beta = -2k$, тогда $\frac{dp}{dQ} = \alpha - \frac{\beta}{Q^2}$, ($\alpha > 0, \beta > 0$). Теперь построим график функции зависимости уровня цен и инфляции от числа благ (институтов): $p = p(Q)$ и $\pi = \pi(Q)$, представленный на рис. 3.

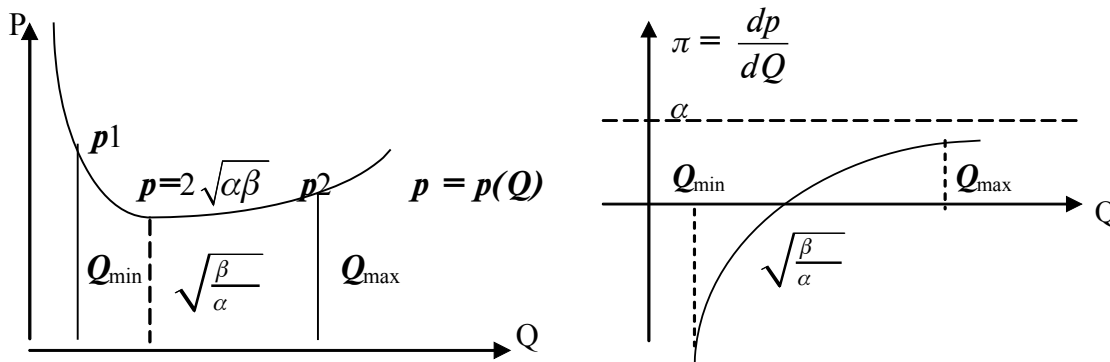

Рис. 3. Зависимость уровня цен от создаваемых общественных благ, институтов

Оптимальный объем производства благ (институтов) $Q = \sqrt{\frac{\beta}{\alpha}}$ дает минимальный уровень цен $p = 2\sqrt{\alpha\beta}$ (если принять $\gamma = 0$ или считать пренебрежимо малой), причем этот уровень цен (совокупность цен) отвечает возрастающему эффекту от создаваемых общественных благ. Интересно отметить, как видно из левого графика, что минимальное число норм обеспечит более высокий уровень цен по сравнению с неким максимальным объемом. По всей видимости, такой результат можно интерпретировать как демпфирующее влияние значительного числа создаваемых благ (институтов), выполняющих функцию сопротивления. Если реальный уровень цен представлен точками, не лежащими на кривой $p = p(Q)$, то максимальный эффект от созданной и действующей институциональной структуры не достигается. Число благ (институтов) Q_{min} дает наилучший эффект при уровне цен $p1$, а Q_{max} — соответственно при уровне $p2$. Поэтому необходимо так выстраивать (создавать) систему институтов, чтобы эффект был наибольшим при минимальном уровне цен, что

с достаточным приближением соответствует точке $(\sqrt{\frac{\beta}{\alpha}}, 2\sqrt{\alpha\beta})$. Для экономики серьезное значение имеет даже не столько уровень цен как таковой, сколько темп их изменения. Институты и создаваемые блага вносят в инфляционный механизм существенную лепту. Как видно из графика рис. 3 справа, при минимальном значении регулирующих институтов $Q_{\min}$ инфляция высока по абсолютной величине, но темп изменения отрицательный, то есть инфляция сокращается, причем довольно быстро при увеличении соответствующих институтов. При величине $Q = \sqrt{\frac{\beta}{\alpha}}$, инфляция $\pi = 0$, т. е. цены не растут, и, как следует из приведенного выше рассуждения, уровень цен минимален (рис. 3 слева). При увеличении величины Q как абсолютный уровень цен p , так и инфляция π растут до значения $Q_{\max}$, причем темп замедляется и ограничен сверху величиной α . Возможно, что при таких величинах инфляция приобретает разрушительную силу по отношению к функционирующей в режиме постоянного воспроизводства институтов экономической системы. Сокращение абсолютного уровня цен на отрезке $(Q_{\min}, \sqrt{\frac{\beta}{\alpha}})$, на наш взгляд, может быть объяснено эффектом структуризации экономических обменов, сокращения издержек транзакций, которые были высоки по причине отсутствия необходимых регулирующих норм или достаточного объема создаваемых благ.

Представленная идеальная модель-схема полезна тем, что позволяет показать влияние создаваемых благ (институтов) на уровень цен, а также, что самое важное, демонстрирует наличие оптимального сочетания институциональных структур и решений, связанных с их воспроизводством. Подобные эффекты можно моделировать и оценивать от введения одного общественного блага, например, «национальной обороны», определять масштаб этого блага, величину затрат, включая и на те правила, которые создаются в рамках этого блага, либо эффект от вводимой новой институциональной системы, например, земельного кодекса, либо налогового кодекса и др. Проектировочные и прикидочные расчеты по представленной здесь общей схеме, с требующимися усложнениями, будут полезны, а в отдельных случаях и необходимы. Эти решения должны строиться на точной аналитической базе, чтобы не провоцировать рост издержек, цен и сокращение жизненного уровня. Задача планирования экономической политики и, в частности, институционального планирования, по существу состоит (сводится к) в определении параметров $\sqrt{\frac{\beta}{\alpha}}, 2\sqrt{\alpha\beta}, Q_{\min}, Q_{\max}$, что довольно сложно, поскольку требует определения доли влияния каждого отдельно взятого института на изменение уровня цен. Однако соотношение выгод, издержек, оценка предполагаемого, ожидаемого их изменения на каком-то интервале времени, вполне возможна, как и оценка общего эффекта. В то же время уровень проработки институциональных модификаций в современной экономике ожидает желать лучшего.

Таким образом, при определенном числе вновь вводимых институтов агент будет ощущать нестабильность социальных и политических структур и связывать дальнейшее экономическое развитие с нарастающим инфляционным давлением. Подобные взаимосвязи, отношения агента и институтов определяют качество институционального развития, а в итоге, и оценку социальных правил, общественных стандартов, обозначающих качество жизни.

Правительство берет на себя функцию производства общественных благ и одновременно применяет мероприятия, предотвращающие появление «безбилетников». Заставив агентов оплачивать потребление предоставляемых благ или отстранив их от потребления путем применения необходимых санкций, правительство фактически стремится обеспечить ситуацию, соответствующую точке B на рис. 1. Причем исходная ситуация может располагаться на любой ветви возможных траекторий, изображенных на рисунке. Здесь может возникнуть интересная регрессионная проблема: для разрешения проблемы «безбилетника» при институциональном проектировании понадобятся еще какие-то дополнительные нормы, без которых нельзя будет достигнуть линии квазиобщественных благ. Появившиеся при этом институты не должны спровоцировать всплеска инфляции или разрушить позитивное status quo на рынках труда.

Тем самым появляется основание утверждать, что действия государства непреднамеренно обесценивают данное экономистами и ставшее общепринятым определение общественных благ. Поэтому справедливо усилить критику употребления в анализе понятия институтов как общественных благ. Если затраты на производство институциональной системы высоки, а выгоды от эксплуатации созданных институтов не просматриваются, возникает «инвестиционная ловушка».

Ее глубина тем больше, чем сильнее экономика нуждается в новых правилах или повышении эффективности функционирования прежних институтов. Важно получить объяснение причин возникновения «инвестиционной ловушки», характерной как для отдельного агента, так и для экономики в целом. Предлагаемый вариант объяснения такой «инвестиционной ловушки» (которую необходимо отделять от термина «институциональная ловушка» или «lock in» эффект) сводится к тому, что «инвестиционная ловушка» есть результат нарастающей дисфункции институтов и социальных структур. Она охватывает далеко не все группы экономических субъектов. Примером является институт права частной собственности на средства производства. Функционирование данного института поддерживается государством, получающим необходимые для этого средства от частных лиц-владельцев и невладелцев собственности, а также приобретающим необходимые ресурсы самостоятельно. Однако не все агенты в равной степени реализуют формально одинаковое право на владение средствами производства. Кому удастся его использовать, тот приобретает неизмеримо большие доходы по сравнению с субъектами, отстраненными от возможности владеть средствами производства. Соответственно данным правом в практическом смысле пользуется лишь узкая группа экономических агентов. Их вклад в поддержание работы данного института по сравнению с вкладом, предоставляемым подавляющим большинством агентов-невладельцев, не так значителен, но выгоды колоссальны. Для невладелцев верно обратное, то есть они попадают в «инвестиционную ловушку». Ее трудно преодолеть, поскольку система институционализирована и отсутствуют легитимные способы преодоления подобной дисфункции и вытекающей из нее «инвестиционной ловушки» (Сухарев, 2001b. С. 33–44).

На протяжении длительного времени экономисты (за исключением марксистов и некоторых представителей институционализма) не только не воспринимали данную ситуацию как «инвестиционную ловушку» или дисфункцию института, но и считали, что благодаря сложившейся правовой системе, защищающей частную собственность и стимулирующей расширение владения, капитализму удастся сохранить жизнеспособность и обеспечить свое устойчивое развитие. Должна ли экономическая политика быть направлена на элиминирование влияния или ликвидацию «инвестиционных ловушек», или же на предотвращение их появления? Если точно установить, что они возникают не в результате проигрыша экономическим агентом конкурентной борьбы, а являются следствием ухудшения системного качества экономики или отдельных ее институтов, и удостовериться, что планируемые действия и вводимые новые институты не ухудшат ситуации и не приведут к еще большей концентрации экономической власти, тогда можно ориентировать политику на упразднение «инвестиционных ловушек» как крайне нежелательного явления, противодействующего социальному развитию. В противном случае, когда «инвестиционная ловушка» является отражением функции созидательного разрушения, усилия по ее ликвидации приведут к тому, что экономика лишится механизма, отсеивающего неэффективные формы.

Для того, чтобы исключить первый вариант и доказать второй, нужно дать аналитически строгую трактовку имманентности «инвестиционной ловушки» для экономической системы, продемонстрировать, что это особое явление, связанное с состоянием общественных институтов. Это довольно сложно сделать. Поэтому экономическая политика, видимо, должна исходить из негативного влияния «инвестиционной ловушки» как макропроцесса и допустимости ловушек такого рода для отдельных субъектов, если их число не превышает определенной критической массы. Если «инвестиционная ловушка» является следствием дисфункции институтов, производится, в конечном счете, правилами организации экономической системы (деятельности), то необходимо установить закономерности возникновения различных следствий из этого состояния, а также то, каким образом изменение состояния институтов будет определять распределение инвестиционных ресурсов в соответствии с коэффициентами отдачи и уровнем ожидаемого риска.

Исходя из изложенного, можно сформулировать некоторые важные принципы институционального планирования (Сухарев, 2001b).

1. *Принцип задания цели.* Институциональное планирование представляет собой совокупность управленческих процедур, исполнение которых возлагается на правительство, хотя этим могут заниматься и отдельные экономические агенты — фирмы, крупные корпорации, ассоциации, общественные организации, союзы и т. д. Первым делом нужно определить цели планирования института, получить полное представление о желательном или нежелательном состоянии экономики. Во-вторых, следует проанализировать, насколько хорошо планирующий орган понимает имеющиеся социальные проблемы и существуют ли институциональные возможности их разрешения. Кроме того, придется сформулировать несколько целей для различения декларативных, несбыточных це-

лей от реально достижимых. В-третьих, требуется разработать несколько проектировочных вариантов институтов, которые, по мнению плановика, способны обеспечить достижение цели (целей). В-четвертых, понадобится сформировать критерии отбора институтов, осуществить сравнительный анализ различных вариантов исходя из ресурсной обеспеченности и с учетом ограниченности по времени. В-пятых, необходимо осуществить выбор и провести адаптацию выбранного варианта (института) к условиям экономического окружения, а также особо определить возможности привнесения новых институтов по режиму «заимствования», т. е., ориентируясь на опыт применения правил в иной социально-экономической системе (результативность их функционирования).

2. *Принцип определения области приложения.* Прежде чем проектировать (создавать) институт, нужно определить, какую нишу в экономической структуре он займет. Данная ниша есть область приложения конкретного института. Формальные институциональные структуры могут быть глобальными, т. е. распространять свое влияние на экономику в целом, а могут быть локальными – воздействовать на строго определенные группы экономических агентов. Эта градация позволяет четко выделить область приложения спроектированного и внедренного института. Но этого недостаточно для определения области приложения института. Требуется определить фактическое положение в той экономической структуре, в которую вводится данный институт, получить все характеристики объекта институционального преобразования с тем, чтобы предвидеть возможные изменения этих параметров в лучшую или худшую сторону. Поскольку проектировщик располагает несколькими вариантами институтов, то понадобится проведение сравнительного анализа на предмет установления наиболее продуктивной институциональной формы. Фактически нужно проделать анализ параметров области приложения и смежных областей предполагаемых институтов и затем осуществить их стыковку и «вживание» нового института.

3. *Принцип функциональной полноты.* Этот принцип позволяет ответить на вопрос: что будет делать институт после того, как расположится в отведенной для него нише, какие функции он будет или не будет выполнять? Кроме того, важно уяснить, какие функции должны выполняться, а какие нет. Здесь возникает проблема меры, полноты функций, институциональной достаточности. Функции возникают исходя из того, какие действия необходимо осуществить, какие агенты вовлекаются в новую схему взаимодействия, какие при этом совершаются операции, решаются задачи, происходят изменения, возникают доходы и издержки. Количество функций не должно превосходить некий допустимый предел, иначе возникает дисфункция института еще на стадии его проектирования, однако оно не должно быть и сильно малым, поскольку тогда не оправдываются затраты на создание этого института. Каждый институт призван выполнить определенный набор функций. Если правило внедрено, но не охватывает полагающуюся для него функциональную область, то издержки превышают выгоды и возникает типичная «инвестиционная ловушка», главной характеристикой которой выступает неоправданность вложения средств (ресурсов).

4. *Принцип необходимого разнообразия.* Действия агентов чрезвычайно разнообразны. Институты структурируют это разнообразие, заставляя совершать какие-то определенные действия в рамках установленных правил. Известное из кибернетики правило гласит: система сохраняет устойчивость, если разнообразие управляющего звена не ниже разнообразия управляемого объекта. Следовательно, институциональная матрица должна приходить в соответствие с матрицей индивидуальных действий, другими словами, разнообразие моделей действия и институтов не должны сильно отличаться, хотя точного совпадения добиться невозможно.

5. *Принцип необходимого восприятия.* При институциональном планировании необходимо исходить из того, что субъекты (предприятия) и агенты довольно часто не принимают новые институты, отторгают их. Если число таких институтов велико, экономическая система может начать деградировать и темп данного процесса будет определяться глубиной отторжения вводимых правил. Следовательно, одной из задач планирования должна стать адаптация прежних структур к ожидаемым нововведениям.

6. *Принцип устойчивости к изменениям.* Устойчивость института к изменениям программируется строгим соблюдением первых пяти и седьмого – принципов. Неустойчивость является ярким признаком дисфункции института и выражается в появлении девиантных форм поведения, неисполнении установленных правил, оппортунизме.

7. *Принцип монетарного наполнения.* Институты не могут функционировать без денежного обеспечения. Если институты денежно не обеспечены, то никакой эффективной работы текущих институтов, и тем более вновь создаваемых, наладить не удастся.

Несоблюдение одного из принципов чревато возникновением дисфункции института или организации, т. е. его девиация как бы закладывается на этапе институционального проектирования.

Институты облегчают выбор, так как принятие решения сопровождается издержками, и сберегают средства экономического агента, направляемые на получение информации о поведении других агентов, которое легко становится предсказуемым в рамках действующих институтов. Однако они способны и усложнять выбор. Даже число институтов и рост сложности взаимодействий этого растущего числа, и затраты времени агента на познание самих правил и привыкание к ним, что никак пока в экономическом анализе не учитывается в количественном виде, т. е. в виде затрат, будут затруднять выбор либо приводить к необходимости самых простых процедур выбора и поведения. При этом инвестиции осуществляются в то, чтобы данная институциональная система существовала, причем их осуществляют в тех или иных масштабах все субъекты экономики без исключения, если соответствующим образом рассмотреть налоговую систему как своеобразный институт трансформации инвестиционных потоков. Казалось бы, чем больше размер группы, потребляющей общественное благо, чем равномернее распределяются выгоды от его потребления, тем меньше стимулов у индивидов инвестировать в производство этих благ. В целом это верно, но принудительная природа государства возвышается над этим положением, сужая область его применимости, ограниченной только теоретическими рамками.

ЛИТЕРАТУРА

- Коуз Р. (1993). Фирма. Рынок. Право. М.: Дело.
- Коуз Р. (2000). Интервью на учредительной конференции Международного общества новой институциональной экономики. Сент-Луис, 17 сентября 1997. *Квартальный бюллетень клуба экономистов*, вып. 4. Мн.: Пропилен, 28 с.
- Норт Д. (1997а). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд «Начала».
- Норт Д. (1997б). Институциональные изменения: рамки анализа. *Вопросы экономики*, № 3, с. 6–17.
- Нуреев Р.М. (2008). Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М.: ИНФРА-М.
- Нуреев Р.М. (2010). Очерки по истории институционализма. Ростов н/Д: Изд-во «Содействие – XXI век»; Гуманитарные перспективы.
- Нуреев Р.М. (2011). Генезис капитализма: роль институтов, благоприятных для развития предпринимательства. *TERRA ECONOMICUS*, т. 9, № 4, с. 122–141.
- Олсон М. (1995). Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: Фонд экономической инициативы.
- Попов Е.В. (2012). Трансакции. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН.
- Сухарев О.С. (2001а). Институциональная теория и экономическая политика. Книга 1. Институциональная теория. Методологический эскиз. М.: ИЭ РАН.
- Сухарев О.С. (2001б). Теория экономической дисфункции. М.: Машиностроение.
- Сухарев О.С. (2012). Эволюционная экономика. Институты – структура, кризисы – рост, технологии – эффективность. М.: Финансы и статистика, 800 с.
- Таллок Г. (2011). Общественные блага, перераспределение и поиск ренты. М.: Издательство института Е.Т. Гайдара, 224 с.
- Фуруботн Э. и Рихтер Р. (2005). Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории. СПб: Изд-во СПбГУ.
- Ходжсон Дж. (2003). Экономическая теория и институты. М.: Дело, 464 с.
- North D. (1981). *Structure and Change in Economic History*. N.Y.: W.W. Norton.

REFERENCES

- Coase R. (1988). *The Firm, the Market and the Law*. Chicago and L.: University of Chicago Press (Russian ed.: Coase R. (1993). *Firma. Rynok. Pravo*. Moscow: Delo Publ.)
- Coase R. (2000). An Interview at the Inaugural Conference of the International Society for New Institutional Economics. St. Louis, 17 September, 1997. *Kvartalnyi bulleten kluba ekonomistov*, issue 4. Minsk: Propilen Publ., 28 p. (In Russian).
- North D. (1997a). *Institutions, institutional change and economic performance*. Moscow: The «Nachala» Fund Publ. (In Russian).
- North D. (1997b). Institutional change: a framework of analysis. *Voprosy ekonomiki*, no. 3, p. 6–17. (In Russian).

- Nureev R.M.* (2008). Development economics: the market economy making models. Moscow: INFRA-M. (In Russian).
- Nureev R.M.* (2010). Essays on the history of institutionalism. Rostov-on-Don: «Sodeystvie – XXI vek» Fund Publ.; Gumanitarnye perspektivy Publ. (In Russian).
- Nureev R.M.* (2011). Genesis of capitalism: the function of the entrepreneurship-promoting institutions. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 9, no 4, p. 122–141. (In Russian).
- Olson M.* (1965). The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge, MA: Harvard University Press (*Russian ed.: Olson M.* (1995). Logika kollektivnykh deystviy. Obshchestvennye blaga i teoriya grupp. Moscow: Fond ekonomicheskoy initsiativy.)
- Popov E.V.* (2012). Transactions. Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russian).
- Sukharev O.S.* (2001a). Institutional theory and economic policy. Book 1. Institutional theory. The methodological essay. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russian).
- Sukharev O.S.* (2001b). The theory of economic dysfunction. Moscow: Mashinostroenie Publ. (In Russian).
- Sukharev O.S.* (2012). The evolutionary economics. Institutions – structure, crises – growth, technology – effectiveness. Moscow: Finansy i statistika, 800 p. (In Russian).
- Tullock G.* (2011). Public Goods, Redistribution and Rent Seeking. Moscow: E.T. Gaidar Institute Publ. 224 p. (In Russian).
- Furubotn E.G.* and *Richter R.* (2000). Institutions and Economic Theory. The Contribution of the New Institutional Economics. The University of Michigan Press: Ann Arbor (*Russian ed.: Furubotn E.* and *Richter R.* (2005). Instituty i ekonomicheskaya teoriya. Dostizheniya novoy institutsionalnoy ekonomicheskoy teorii. Saint-Petersburg: Saint Petersburg State University Publ.)
- Hodgson J.* (2003). Economic theory and institutions. Moscow: Delo Publ., 464 p. (In Russian).
- North D.* (1981). Structure and Change in Economic History. N.Y.: W.W. Norton.